Хроника танкового взвода (из воспоминаний **)**

А.Я. Дубовицкий

До войны мы жили в в городе Лубны на Полтавщине в рабочей семье. Отец, Яков Григорьевич, работал ломовым извозчиком и был старостой их артели. В 1914 г. его (со своей упряжью) мобилизовали грабарем на земляные работы Западного фронта под Велижем, Невелем и Себежом. После Октябрьской революции отец был демобилизован и вернулся домой.

Во время гражданской войны группа отступавших деникинцев силой оружия реквизировала его упряжку и вынудила везти их в город Хорол (40 км. восточнее Лубен). Миновав самую крутую часть Хорольского спуска (мостовая к реке Сула), отец предложил панам офицерам, ради сохранения сил коня, пройти пешком до пологого места, где можно снять тормозной башмак. Освободившись от седоков, он вырвал из-под правого заднего колеса тормозной башмак, стеганул жеребца и с грохотом помчался к мосту через Сулу. Там сбросил пожитки деникинцев: винтовки в реку, остальное - на мост и, сделав большой крюк по деревням Засулья, через несколько дней вернулся к семье.

Мать, Зелда Абрамовна, вела домашнее хозяйство.

У меня были два брата. Оба окончили семилетнюю школу. Старший, Семен, работал слесарем, затем шофером на заводе "Комсомолец", а средний, Борис, после окончания фабзауча завода "Коммунар", работал токарём на этом заводе. К призыву в армию он уже был токарем высшего разряда.

Я заканчивал учебу в десятилетке.

К началу войны братья проходили службу в Красной Армии. Семен, механиком-водителем танка Т-26 Лубенской дивизии, Борис, по окончании Камышинского пехотного училища, стал командиром стрелкового взвода 416-го полка 112 -й стрелковой диизии.

Черноголовка, май 1985 года, Абрам Яковлевич Дубовицкий.

Братья погибли в осенних боях 1941 г. Семен – при обороне Днепровских переправ под Кременчугом, Борис – в боях под Смоленском.

Отец, мать, невестка старшего брата, их годовалая дочь, тесть и теща расстреляны немцами 16 октября 1941 г. в противотанковом рву, в пойме реки Сулы. Наш дом и вся наша усадьба сожжены в ночь накануне освобождения Лубен Красной Армией поселившемся в нем полицаем (некто Чемерис).

О гибели нашей семьи я узнал в конце февраля 1944 года, после возвращения с нейтральной полосы в расположение своей бригады. В штабе лежал ответ наших соседей на письмо, которое я послал домой 7 ноября 1943 г., после освобождения Киева. Самого письма соседей я так и не увидел. Начальник штаба бригады, майор Чони, сочувственно сообщивший о письме, по-видимому решил избавить от тяжелых подробностей картины гибели родных и полного уничтожения нашего родного гнезда. Соседи нашли на пожарище лишь фотографии родителей.

6 августа 1941 года меня призвали в Красную Армию, в 31-й запасной танковый полк, в город Чугуев, близ Харькова.

К концу августа два первых батальона этого полка, успевшие пройти краткую подготовку, были брошены в пешем строю для пополнения наших войск, сдерживающих наступление фашистских войск группы армий “Юг”. Все они погибли или попали в плен.

В этих боях был разгромлен наш Юго-Западный фронт.

На очереди был наш третий батальон. Однако нам выпало встретиться с немцами позже, в наступлении. Именно в это время, для восполнения тяжелых потерь, по приказу И.В. Сталина, началась систематическая подготовка среднего комсостава из числа солдат со средним и высшим образованием. Так как контингент оставшихся батальонов нашего 31-го полка был именно таким, то все мы были зачислены в Харьковское танковое училище им. Сталина. В конце сентября 1941 г., за неполную неделю, мы совершили более чем 300 километровый пеший марш от Харькова до станции Ольховатка, (железная дорога была забита эшелонами раненых, беженцев, оборудования эвакуировавшихся заводов).

От Ольховатки–эшелоном до Баку. Оттуда через Каспий– в балластном трюме парохода до города Красноводск и, наконец, эшелоном до города Чирчик Горный (южнее Ташкента). Там, в числе других, было и наше училище.

В августе 1942 года, после окончания училища, нас послали в Нижний Тагил на УРАЛВАГОНЗАВОД для получения техники. Именно туда, около года назад, в октябре 1941 г., отправлен Харьковский Танковый завода № 143 им. Коминтерна.

К сентябрю 1942 г. выпуск танков Т-34, на новом месте, достигал 60 машин в сутки!

Осенью того же года Геббельс пишет в дневнике: "Кажется каким-то чудом**,** что из обширных степей России появлялись все новые массы людей и техники, как будто

какой-то великий волшебник лепил из уральской глины **большевистских людей и технику** в любом количестве".

Из Нижнего Тагила, с маршевой ротой меня послали в качестве командира взвода тридцатьчетверок в 5 танковый корпус генерала Гетмана. Поскольку комсостав корпуса был укомплектован, то нас направили на Калининский фронт под Великие Луки в 24-й танковый полк 46-й мотобригады 3-й Ударной Армии (генерала Галицкого).

С этого времени я воевал лишь на танках со СПАМов (сборные пункты аварийных машин). Новые машины шли танковым корпусам и армиям для проведения глубоких рейдов.

В сентябре нас направили в СПАМ (близ Великих Лук) для получения танков. Там, через пару недель, каждому из нас был указан танк с которым он завтра отправится в свой полк.

На следующий день, часов около 6 утра я сел в свою машину, чтобы проверить ее на ходу. Через пару минут вижу, что температура масла поднялась чуть ли до 100 градусов. Малым ходом возвращаюсь и докладываю начальнику СПАМа, полковнику. Он жестоко выругал меня, пообещал штрафбат, если и я сломал масленую помпу и приказал вытащить на талях мотор из танка, чтобы убедиться в моем преступлении.

К вечеру механики на талях вытащили мотор, сняли помпу. Видим: валик сломан, слом черный, кроме маленького серебристого уголка. Полковник чертыхнулся и сказал: "Счастлив твой бог. Воюй, танкист, счастливо" и пожал руку. На следующий день мы были в своем 24 танковом полку.

К исходу ноября 1942 года 3-я Ударная Армия завершила окружение Великих Лук. В котел попала группировка фашистских войск из группы армий "Север". Наша бригада вела бои в направлении Новосокольников, раздвигая внешнее окружение и парируя попытки немцев прорвать образовавшиеся клещи.

Чирчик, март 1942 года; курсанты ХТУ им. И.В. Сталина: Александр Осадчий, Николай Крупка, Михаил Махиня, Абрам Дубовицкий.

7 декабря 1942 г., в ночном, встречном танковом бою под полустанком Остриань с немецкой танковой колонной, прорывавшейся в Великие Луки, снаряд проломил броню моего танка, разворотил правый передний бак. Машину охватило огнем. Два члена экипажа погибли.

Мы с механиком водителем были ранены, но чудом выбрались из горящего танка. Машина взорвалась. Наш 24-й танковый полк выполнил свою задачу, уничтожил немецкую колонну, но понес тяжелые потери. Санпоездом меня отправили в госпиталь под Калинин. Позже я узнал, что 8 немецких машин, все таки прорвалиись в Великие Луки.

Великие Луки были освобождены в середине января 1943 г.

После излечения я был послан в резерв 39-й Армии Западного фронта. Оттуда, в 1943 г., в 28-ю гвардейскую танковую бригаду. Она вела бои за освобождение Духовщины (на подступах к Смоленску). С этой бригадой, не считая госпиталей, куда попадал после очередных ранений, я никогда не расставался и прошел путь от смоленской Духовщины до прусской границы. 7 ноября 1943 г. мы освободили первый город Белоруссии - город Лиозно. [1]

За эту операцию, проведенную совместно с белорусскими партизанами в условиях немыслимой осенней распутицы бригада получила наименование Лиозненской. После Лиозно у нас осталось считанное число машин и изнурительные зимние бои 1943–1944 гг. мы вели неполным составом по мере поступления подкреплений.

Несколько слов об одном из них.

Через два–три дня после очередного пополнения, 3 февраля 1944 г., наша бригада в составе 4 взводов: 3 взвода семидесяток и мой взвод тридцатьчетверок, всего 12 машин, провела операцию по захвату плацдарма для будущего летнего наступления.

После ночного марша, днем 2 февраля, на промежуточном рубеже, командующий бронетанковыми войсками 39-й Армии, генерал-майор Михаил Ксенофонтович Малахов провел проверку боеготовности нашей группы и отдал приказ о предстоящей операции.

Машины, после тщательного техосмотра были дозаправлены горючим, побелены известью, а экипажи снабжены маскхалатами.

На исходные позиции мы вышли в ночь на 3 февраля. В 6 часов утра 3 февраля наш передний край был разбужен необычным оживлением со стороны противника. К нашим траншеям, тянувшимся вдоль возвышенности, нависавшей над болотом, за которым проходила вражеская оборона, перескакивая по кочкам, быстро приближалась подвижная цепочка около десятка немцев, энергично подталкиваемых нашими разведчиками.

Оказалось, бригадные разведчики и саперы, совместно с разведчиками и саперами 17-й пехотной дивизии, проделали ночью нашей группе проходы в минных полях и положили лапником в топком, несмотря на мороз, болоте “танкодоступные” маршруты для каждой из машин.

Попутно они оголили немецкую оборону, захватив в плен, промерзшие на своих постах немецкие секреты и дозоры. Этим был обеспечен успех начальному этапу операции. Чтобы сделать пленных более покладистыми, разведчики оборвали на их штанах пуговицы, отобрали пояса, шапки, рукавицы и в таком виде погнали к нашим позициям. Окоченевшие немцы поочередно дули на замерзающие руки, то подтягивали сваливающиеся штаны, то оттирали замерзающие уши, вызывая веселое оживление переднего края. Хотя зима была мягкой, утренний мороз выдался нешуточным.

Примерно через час, без артиллерийской подготовки и сопровождения пехоты, наша группа пошла в наступление. Преодолев 2-3 км. топкого болота (надрывая моторы, танки ползли на 1 скорости, толкая горы полузамерзшей болотной жижи, угрожающе колышущейся под днищами машин), мы взломали немецкую оборону: “проутюжили” пулеметные гнезда, расстреляли из пушек дзоты и пулеметным огнем разбегавшихся по траншеям немцев. Благодаря судьбе и тщательной работе саперов ни одна из машин не затонула в болоте.

Перевалив через возвышенность, вдоль которой тянулись немецкие траншеи, мы вышли к шоссе у моста через небольшую речку и продвинулись на 3-4 км. вдоль шоссе, до второго рубежа, проходящего по гребню очередной возвышенности.

Появление наших машин было для немцев полной неожиданностью. Они считали гиблое болото непреодолимой преградой для танков. Противотанковая артиллерия подтянулась после того, как мы взломали вторую линию обороны. Перевалив через гребень возвышенности, мы вступили в дуэль с выходящими на огневые позиции орудиями противника. Примерно через полчаса около двух батальонов нашей 17-й дивизии, прорвавшихся левее нас, под прикрытием нашего огня, атаковали немецкую оборону, с тыла навстречу нам. Входили и закреплялись основные силы 17-й дивизии и тяжелые самоходки 11-го тяжелого танкового полка прорыва.

Во время короткого боя, до подхода пехоты мы уничтожили более 4 орудий. Огнем противотанковых батарей противника одна из тридцатьчетверок и две семидесятки были сожжены. Атакующие батальоны не смогли закрепиться и, понеся потери, беглым шагом отошли под прикрытие основных сил дивизии. Потеряв около трети своего состава, мы также были вынуждены откатиться на обратный склон, оставив за собой большое село. К исходу дня 3 февраля немцы подтянули тяжелую артиллерию, свежие силы пехоты, группу “тигров” и, после яростного артобстрела, атаковали нас. Из–за интенсивной артиллерийской дуэли село запылало. Пытавшиеся атаковать “тигры” и их сопровождение, переваливая гребень возвышенности, четко выделялись на фоне освещенного пожаром небосклона.

Первой огонь по ним открыла наша группа, расположенная у самого основания возвышенности. Яркие трассы наших подкалиберных снарядов, заканчивались на броне “тигров”, рассыпаясь веерами искр, не принося им никакого вреда. Правда, кинжальный огонь наших танковых пулеметов плотно прижал немецкую пехоту к земле. Вступившие, чуть погодя, в дело батареи нашей тяжелой артиллерии и орудия тяжелых самоходок 11 танкового полка прорыва вынудили группу тигров и их сопровождение поспешно отойти и занять оборону за дальней околицей села.

На следующий день наше командование, надеясь на перевес в артиллерии, попыталось силами оставшихся машин нашей группы выбить немцев из сгоревшего села. Однако артиллерийская обработка немецких позиций и огневое прикрытие были недостаточными и операция провалилась.

Только мы перевалили уже знакомую возвышенность, как одна из семидесяток, после прямого попадания, загорелась. В моем танке снарядами заклинило башню и по правому борту разворотило ходовую часть. Последнюю тридцатьчетверку моего взвода (Михаила Колеватова), при обходе пылавшей семидесятки и сгоревших вчера машин, затянуло в старую воронку от авиабомбы.

Уцелевший взвод семидесяток отошел за спасительный гребень и использован командованием при освобождении какой-то железнодорожной станции. Наши два экипажа сняли со своих машин 4 пулемета и заняли оборону в очищенном от немцев блиндаже. На самом деле это была закопанная изба с тремя накатами толстых бревен. С немецкой аккуратностью блиндаж был окружен окопом. Через сутки, в сумерки, бригадные разведчики пробрались на нашу позицию. После этого почти каждой ночью нам стали приносить термоса с пищей. А к вечеру, 7 февраля, к нам присоединились командиры огневых взводов тяжелых батарей, расположенных на обратном склоне возвышенности, вдоль которой установилась новая линия нашей обороны, и протянули связь для управления огнем. В нашем блиндаже стали останавливаться как идущие на задание, так и возвращающиеся после выполнения его, группы дивизионных разведчиков.

После нескольких тщетных попыток выбить нас с занятой позиции противник оставил нас в покое, если не считать систематических артналетов, а в дневное время почти непрекращающихся минометных обстрелов, не оставивших вокруг живого места.

Видимо для поднятия духа разведчики передали мне слова генерала Малахова: ”После такой школы Дубовицкий доживет до победы”.

Более двух недель мы держали оборону на ничейной земле. Ко дню Красной Армии, нам приказали возвратиться в бригаду.

За февральские бои нас с механиком-водителем Джураевым Абдулом Закировичем наградили орденами Красной Звезды, а остальных члены экипажей – медалями «За отвагу».

Комиссар бригады торжественно вручил нам правительственные награды и в связи с завершением моего кандидатского срока вручил мне партбилет.

Нам устроили роскошную баню: брезентовый шатер из танкового тента, в котором стояли две автоцистерны с горячей и холодной водой (их предназначение–заправка в морозы бригадной техники).

Для полного счастья, нам поменяли ботинки с обмотками и измочаленную одежду на кирзовые сапоги, и английское обмундирование. Оно пришло в комплекте с английскими танками “Черчилль” и ”Валентаин”. Английская техника, после испытаний, была признана непригодной в болотах Белоруссии и отправлена на тыловые базы.

Несколько слов о взводе уцелевших семидесяток. Вместе с каким то стрелковым батальоном, 6 февраля, они без потерь освободили небольшую железнодорожную станцию. На радостях комбат пригласил танкистов к прибывшим полевым кухням. Они неосторожно воспользовались приглашением, оставив машины на окраине станционного поселка внутри нашей обороны. Именно в это время немцы провели контратаку, оттеснили пехоту. Наши машины оказались в руках противника. Через несколько часов батальон получил подкрепление и вместе с отчаянно сражавшимися экипажами семидесяток, восстановил утерянные позиции. Но танки немцами были угнаны. И горький эпилог – за потерю техники по приговору трибунала все экипажи были отправлены в штрафные части. Об этом мрачном событии, даже по меркам того жестокого времени, мы узнали позже, после возвращения в бригаду.

12 апреля 1944 г. наша 39-я армия, а с ней и 28-я Лиозненская гвардейская танковая бригада, вошла в состав только что образованного 3-го Белорусского фронта. Его командующим Сталин назначил генерал-полковника Ивана Даниловича Черняховского, одного из самых блестящих полководцев Великой Отечественной войны.

Черняховский отказался от мысли взять Витебск, не накопив достаточных сил и средств. После февральских боев вплоть до 23 июня 1944 г. мы не участвовали ни в одной крупной операции. Новый командующий берег силы для решающего удара.

Помню лишь одну тщательно подготовленную операцию проведенную в апреле 1944 г. Силами одной стрелковой роты и приданного ей взвода тридцатьчетверок нашей бригады в течение одной ночи была захвачена высотка на Смоленской дороге. С нее вся наша оборона просматривалась и простреливалась немцами на большую глубину. Для сравнения скажу, что до прихода Черняховского в течении трёх месяцев наша 39-я Армия участвовала более чем в десяти крупных безуспешных наступлениях на Витебск, каждое из которых стоило большой крови…

Итак, время решающего удара наступило. Во второй половине дня 20 июня 1944 г. наша бригада совершила марш–бросок на исходные позиции. Часов в 6 вечера мой стрелок-радист Егоров по рации поймал известие об освобождении Выборга. Как

верный предвестник большого наступления, вдоль пути следования к исходным позициям на опушках леса, в складках местности и всевозможных укрытиях кипятилась вода. Белели оживленные группы моющихся и надевающих свежее белье солдат.

Через 3 дня, 23 июня 2 и 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты в 8 часов утра, после мощной двухчасовой артподготовки, пошли в наступление. 1-й Белорусский фронт был задействован через два дня-25 июня. Из захваченного нами в феврале месяце плацдарма наступал 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Наша 28-я гвардейская Лиозненская танковая бригада наступала по топкой низине около озер Малые Синяки.

С воздуха, как и зимой, нас прикрывал полк "Нормандия", на бреющем полете с ревом неслись на штурмовку немецких позиций ИЛы (штурмовики), и, волна за волной шли тяжелые бомбардировщики.

Небо было нашим. Даже вездесущие "рамы" исчезли. Первая линия обороны была уничтожена полностью.

Тяжело стало на глубине около 4 км., на подступах ко второму рубежу немецкой обороны. На нас обрушился шквал артиллерийского огня. Весь горизонт полыхал и гремел залпами тяжелой артиллерии и реактивных систем. От прямого попадания загорелся, идущий за мной танк нашего комбата, майора Козлова. В моей машине снарядом разворотило часть правой гусеницы. Из-за удара второго снаряда, по основанию башни, вышел из строя электромотор автоматического поворотного устройства. Весь день, при наведении на цель орудия или спаренного с ним пулемета, я поворачивал шеститонную махину башни рукоятью ручного поворотного устройства башни.

Спасибо механику-водителю Ване Кандичанскому. Ему чудом удавалось находить ровную площадку для моего танка. Много времени и тяжелого труда ушло на ремонт гусеницы под огнем. При замены развороченных звеньев запасными не доставало нескольких траков. Для соединения укороченной гусеницы пришлось до отказа опустить правый ленивец (передний направляющий каток).

В течение всего этого дня моя машина исправно воевал с укороченной правой гусеницей. Мы нагнали бригаду, когда она начала разворачиваться для атаки. Лишь к этому времени стали сказываться действия наших тяжелых батарей и бомбовых ударов авиации: неистовый шквал огня немецкой артиллерии стал затухать. Батареи противника были подавлены.

После прорыва второй линии обороны бригада, вышла на оперативный простор и по проселкам группами двинулась на запад, преследуя и уничтожая разбитые и потерявшие связь части противника.

В течение дня наша группа захватила несколько мостов и освободила 5 сёл, в каждом из которых мы попадали в объятия плачущих от радости освобождения людей.

При захвате первого из этих мостов наша группа на полном ходу врезалась в нестройную колонну отступавшего батальона противника. Зажатые с флангов непроходимым болотом (через которое проходила булыжная мостовая) немцы, тщетно пытаясь спастись бегством, погибали от огня сорока танковых пулеметов, двадцати башенных орудий и под гусеницами, несущихся со скоростью 40 км. в час тяжко громыхающих танков.

Неожиданность и быстротечность происходящего и возникшая паника не дали находящимся в колонне фаустникам воспользоваться своим оружием.

Несколько бронетранспортеров и штабных машин, в колонне и пытающихся уйти по бездорожью, были расстреляны из пушек. Колонна была уничтожена без потерь с нашей стороны.

Промелькнувшая картина булыжной мостовой, покрытой оставшимся кровавым месивом, была ужасающей. Смеркалось, когда в последнем из освобожденных сел, нас нагнал броневик офицера связи с приказом следовать в пункт сосредоточения.

На наше место выдвигались студебеккеры с дымящей махоркой пехотой, "Ворошиловцы" с тяжелой артиллерией, тягачи, тянущие пушки противотанковых батарей, катили аппетитно пахнущие полевые кухни.

Стремительное наступление продолжалось. В пункт сосредоточения собралось свыше половины состава бригады. О том, что эта операция "Багратион" я узнал через 30 лет из сериала "Освобождение". Один из фильмов назывался: операция "Багратион".

На следующий день, ранним утром 24 июня (во время работ экипажа с машиной) в люк башни заглянул начальник штаба, бригады, майор Чони:

“Дубовицкий, поздравляю! Комбриг представил тебя к ордену Красного Знамени”.

Для приведения техники в порядок нам дали передышку и пустили в дело лишь после полудня 24 июня.

На этот раз путь с исходных позиций в бой проходил через одуряюще благоуханный цветущий яблоневый сад.

В саду вел бой с группой "фердинандов" наш противотанковый дивизион 57 мм. орудий. Пользуясь неуязвимостью своей брони от снарядов дивизиона, немцы вели огонь с дистанции 500–800 метров, обеспечивающей безопасность их ходовой части. Несколько орудий дивизиона были расстреляны. По счастливой случайности мы вышли на правый фланг немцев.

Появление бригады, открывшей беглый огонь подкалиберными снарядами по бортам и ходовой части немецких самоходок (на правом фланге), спасло дивизион.

Ближайший "фердинанд" вспыхнул. Оставшиеся, не разворачиваясь, на максимальной задней скорости покинули возникшую ловушку. Именно для такого

маневра у "фердинанда" предусмотрено чуть ли не по восемь передних и задних скоростей.

Немцы превратили в очаги сопротивления каменные здания и доты на господствующих высотках вдоль дорог. Бои по их уничтожению без перерыва длились до утра 25 июня.

После ночного боя, ранним утром 25 июня, группа из пяти тридцатьчетверок (к моему взводу прибились еще две машины) вместе с каким-то стрелковым батальоном вышли к мосту через Западную Двину. После рекогносцировки мы с комбатом решили брать мост. Батальон стал разворачиваться для атаки.

Я стал выводить танки на исходные позиции и за углом тянувшейся вдоль шоссе насыпи лицом к лицу столкнулся с группой эсэсовцев: что-то около десятка. В завязавшейся перестрелке я был тяжело ранен (одна пуля раздробила кость у правого локтевого сустава, а другая – прошила правую ключицу), но успел всадить обойму, почти в упор, в ближнего немца.

Следующие за мной пять тридцатьчетверок гусеницами своих машин и плотным пулеметным огнем перебили немцев. Вместе с отправлявшимся в тыл захваченным нами на подступах к мосту большим конным обозом противника меня направили в полевой госпиталь, а оттуда, после первичной обработки, санпоездом в Гороховецкий Эвакогоспиталь № 3005 (около Горького). Атака на мост была удачной. Мост был взят.

На следующий день, в районе Гнездиловичей, немцы, прикрываясь колоннами мирных жителей, пошли на прорыв. Пропустив эти колонны, наши полки в яростной рукопашной схватке **уничтожили противника.** Освобождены: Витебск, Орша. Свыше 20 тысяч немцев убито, 10 тысяч сдались в плен.

В тот же день, за молниеносный разгром витебской группировки, проломившей первую брешь в обороне противника, Сталин присвоил генерал-полковнику Черняховскому звание генерала армии. [2]

Чтобы представить масштаб действий Красной Армии напомню: потери немцев при ликвидации одной лишь витебской группировки были вдвое большими, чем в самой крупной операций союзников–Арденнской. [3]

Историк Диксон свидетельствует:
“Красная Армия создала впечатление скорого наступления на южной половине немецкого фронта и группа “Центр” направила свои резервы с севера на юг."
А состояли эти резервы из 58 танковых и моторизованных дивизий. Такого рода сил немцы вообще никогда не держали на западном фронте!
"Едва они прибыли на юг, как Красная Армия неожиданно начала наступление на севере, а, когда немцы захотели переслать резервы на север, партизаны произвели огромные разрушения этой дороги и почти полностью остановили движение”.

Во всей операции "Багратион" колоссальная сила 58 танковых и моторизованных немецких дивизий оставалась южнее Полесья.

Генерал Типпельскирх говорит: “результат длившегося 10 дней сражения был потрясающим. Около 25 дивизий были уничтожены или окружены. Лишь немногие соединения 2-й армии, оставались полноценными, избежавшие же уничтожения остатки практически утратили боеспособность”.

В конце августа 1944 г., по излечении в Гороховце, я догнал бригаду в Литве, вблизи местечка Арегола.

Помню текст листовки, сброшенной над нами: ”Пусть рыцарь славянства генерал Черняховский стучится в ворота Пруссии, она всегда будет незыблемой крепостью рейха". Подпись: доктор Геббельс.

Заклинания не помогли. Менее через неделю войска нашего фронта по всей длине с боями ворвались в Пруссию.

Москва, август 1944 г. Неожиданная встреча перед отправкой на фронт. Водитель тягача 57 мм. противотанкового орудия Женя Кричевский (мой двоюродный брат), Абрам Дубовицкий, капитан – командир противотанкового дивизиона. [4]

По возвращении в свою бригаду, за Витебскую операцию, я был награжден орденом Отечественной войны I степени. Позже я узнал, что подкреплений батальон, с которым мы хотели брать мост, получить не успел, мы вырвались далеко вперед и, вместе с моими товарищами танкистами, разгромлен в неравном бою с прорывающейся из окружения эсэсовской группировкой. По-видимому, я столкнулся с их боевым дозором. Погиб и комбат, с которым мы брали мост. Фамилии его я так и не узнал. Почти никого из моих прежних товарищей не осталось.

В Белоруссии погибли мои друзья: Александр Ревякин–командир взвода трофейных “тигров”, захваченных им в февральских боях под Витебском (один из них был

передан на выставку трофейного оружия в Москве), командир второго взвода нашей роты Семен Кац и наш ротный–Михаил Болотов.

Мы были из одного выпуска Харьковского танкового училища им. И.В. Сталина и вместе пришли в бригаду из резерва 39-й армии в августе 1943 года.

Последний бой, в котором я принимал участие, произошел в ночь 8 на 9 октября 1944 г. 7 октября 1944 г. 3-й Белорусский фронт начал операцию с целью прорыва прусской границы и окружения группы фашистских армий “Север” (с ними мы воевали еще под Великими Луками. Первые два батальона (правый фланг), вырвавшихся поначалу вперед, понесли потери от огня тяжелой артиллерии и на минных полях, простиравшихся на глубину в несколько километров. В это же время на нашем (левом) фланге сводные отряды саперов под мощным прикрытием артиллерии, штурмовой авиации и, возможно, активных действий нашего правого фланга, сумели проложить сквозь всю глубину немецких минных полей дорогу.

Им удалось разминировать полоску земли шириною примерно в 12-15 метров. В память врезалась картина: под сияющим утренним солнцем в одну колею, колесо в колесо по этой дороге мучительно медленно, часто и подолгу останавливаясь, ползла, казавшаяся бесконечной, армейская колонна.

Вперемежку шли танки, студебеккеры и ЗИСы с катюшами и пехотой, “Ворошиловцы“, тянущие тяжелые орудия, ЗИСы с боеприпасами. Вдоль колонны рвались снаряды тяжелых батарей противника. Перед моей машиной двигалась "катюша" на студебеккере.

По-видимому, у водителя не выдержали нервы. После очередного близкого разрыва он, дернув руль, буквально на считанные вершки нарушил колею и сразу же напоролся на фугас. Передняя часть студебеккера взлетела в воздух. Шофера, здоровенного сержанта (по выглядывающей через распахнутый ворот полосатой тельняшке, из моряков), без обеих ног, швырнуло на левую обочину. Мой водитель рывком танка освободил колею от останков взорванного студебеккера. Откуда-то появившиеся медсестры пытались помочь истекающему кровью шоферу. Чуть погодя посреди колонны в одной из семидесяток то ли от снаряда, то ли от фугаса взорвался боекомплект. Машину разнесло на сотни метров по сторонам, а башня, в окружении двух медленно расплывающихся концентрических дымовых колец взлетела, казалось, под самый купол голубого неба.

К счастью артиллеристы основательно разрушили немецкую систему управления огнем. Спасибо истребителям "Нормандия-Неман", стремительно проносившимся над нами. Ни одного немецкого самолета в небе не появлялось. Поэтому потери от немецкого огня в нашей колонне были сравнительно невелики. На холмах справа чернели силуэты сожженных тридцатьчетверок наших двух первых батальонов. Немного позднее подобная колонна прорвалась и левее. Оборонительные рубежи немцев были прорваны: они стали откатываться. Чтобы не дать им закрепиться на промежуточном рубеже, наступление не прерывалось. На следующий день мы

штурмом взяли город Рассейняй. К концу этого дня на фронте наступления нашей бригады противнику удалось оторваться.

Как и в летних боях, мой взвод был выделен в боевой дозор. Началась неприятная процедура нахождения "контакта" с ускользнувшим противником. Дело усугублялось тем, что все мы были крайне измотаны двухдневными боями. К тому же все происходило ночью. В самое глухое время (около часа ночи), дозор попал в засаду из закопанных немецких самоходок. Немцы повесили над нами "фонарь" (ракета на парашюте) и с удобством начали нас расстреливать. От прямого попадания одна из моих тридцатьчетверок загорелась. Никто не смог выбраться из горящей машины. Едва я навел орудие в смутно различимый силуэт ближайшей из стрелявших немецких самоходок, нажал педаль ножного спуска (в таких ситуациях пушка всегда заряжена!) и крикнул башенному стрелку "Заряжай!", как в танк ударили два снаряда.

Первым проломило правый борт башни. Вторым снесло люк командирской башенки.

Егорьевск, февраль 1945 года. Эвакогоспиталь № 4849.
Выздоравливающие: Иван Брага, Абрам Дубовицкий.

Меня отбросило с сидения. Осколками разворотило переборку моторного отсека и он густо задымился. Очнулся на днище танка от сотрясающих ударов крупнокалиберных очередей по броне. Заряжающий и стрелок-радист погибли. Меня изрешетило осколками, побило руки, ноги, раскроило живот. Механик-водитель, считая, что экипаж погиб, выбрался через передний люк.

Сквозь черный квадрат переднего люка светились трассы крупнокалиберных пулеметных очередей, оглушительно долбящих лобовую броню.

Через сорванный люк командирской башенки мне удалось вывалиться из танка в ледяную воду кювета. Стал ползти к своим. Танк загорелся. Бригадные разведчики вместе с моим механиком-водителем выволокли меня из-под огня.

Третья тридцатьчетверка моего взвода отошла и открыла огонь по засаде. Тяжелые самоходки ИС 11-го тяжелого танкового полка прорыва, следовавшего за нашей бригадой, не дали засаде уйти и огнем своих пушек расстреляли ее. Невдалеке за засадой проходил очередной рубеж немецкой обороны.

За эту операцию меня наградили орденом Отечественной войны II степени.

Вместе со сбитым над тылами нашей бригады тяжело раненым летчиком полка "Нормандия-Неман" (наименование "Неман" присвоено за тяжелые воздушные бои при форсировании Немана), нас направили в госпиталь в Каунас.

Там, в течение месяца ежедневных длительных операций, меня подготовили к эвакуации: извлекли массу осколков, включая обрывки моего планшета и офицерского ремня (со слов хирурга), вылечили от полученного в результате купания в кювете воспаления легких и санпоездом в кригерном вагоне, направили в Егорьевский Эвакогоспиталь № 4849.

Лечили в Егорьевске долго: с конца октября 1944 года. по апрель 1945 года. После излечения, демобилизовали как инвалида Отечественной войны II группы.

К этому времени наши войска добивали фашистскую армию уже на германской земле. С боями шла светлая весна нашей долгожданной и так дорого оплаченной победы.

После взятия Кёнигсберга 39-я Армия, и в ее составе 28-я гвардейская Лиозненская ордена Кутузова II степени танковая бригада была направлена на юго-восток Монголии. Они с боями проломила оборонительные линии Большого Хингана, штурмом овладели Мукденом и, совершив десятидневный бросок через всю Маньчжурию к Тихому Океану, окружила свыше чем миллионную Квантунскую армию. Через два дня эта армия сдалась.

Лишенная своей главной сухопутной силы Япония была вынуждена капитулировать (война на Дальнем Востоке заняла 23 дня).

Вторая мировая война завершилась.

POST SCRIPTUM.

В марте 1945 г., еще находясь в Егорьевском Эвакогоспитале № 4849, я поступил на первый курс мехмата МГУ им. М.В. Ломоносова. Приняли без экзаменов, хотя у меня, как и у многих фронтовиков, все довоенные документы (в частности аттестат зрелости) были уничтожены на войне. Учились фронтовики чрезвычайно усердно. Я отлично окончил курс университета. Процедура вручения дипломов с отличием проходила торжественно, в актовом зале университета, с духовым оркестром.

Вручал дипломы сам ректор университета – академик Несмеянов. Остальным выпускникам дипломы вручали деканы, примерно на две недели позже. Некоторым из оставшихся фронтовиков этот формальный акт крепко испортил нервы. Перед выдачей дипломов деканаты стали требовать от них аттестаты зрелости. Со временем проблема благополучно разрешилась, все получили свои дипломы.

Весной 1950 года я счастливо женился на своей сокурснице – чудесной девушке Лесе Прихоженко.

У нас двое хороших сыновей. Оба работают в ИПХФ РАН.

Старший, Дмитрий, экономист, инженер патентного отдела, младший, Владимир– заведующий лабораторией математической физики.

Будучи студентом, я интенсивно работал на семинарах замечательных советских математиков: Дмитрия Евгеньевича Меньшова, Александра Семеновича Кронрода и Евгения Михайловича Ландиса.

Работая на семинаре Дмитрия Евгеньевича, в 1949 г. я установил фундаментальную теорему об особенностях гладких отображений в конечномерных пространствах [5] .

После моего доклада на семинаре Дмитрия Евгеньевича (он занял три заседания), ко мне обратился Стечкин: ”В чем же практическая польза Вашей теоремы”?

Дмитрий Евгеньевич, отодвинув меня, стал ходить перед доской, неторопливо выговаривая слова:

“Настоящие результаты классического анализа, подобные этой теореме, всегда находят свои приложения”. Вскоре Лев Семенович Понтрягин, опираясь на теорему об особенностях гладких отображений, создал гомотопическую теорию непрерывных отображений (за эту теорию он был удостоен премии Лобачевского).

В настоящее время теорема об особенностях гладких отображений лежит в основе многих важных и глубоких результатов современной топологии и гладкого анализа. За эти исследования я стал Сталинским стипендиатом.

После МГУ меня рекомендовали в аспирантуру по кафедре теории функций действительного переменного. Несмотря на рекомендации ведущих ученых мехмата (Андрея Николаевича Колмогорова, Дмитрия Евгеньевича Меньшова, Льва Семеновича Понтрягина и других) в аспирантуру меня не приняли, сработал 5 пункт анкеты – моя национальность.

Та же участь постигла и моих сокурсников–фронтовиков рекомендованных в аспирантуру: Евгения Ландиса, Давида Гробмана. Борису Былову отказали в аспирантуре за то, что его отец, директор школы в Юхнове, был репрессирован и т.д. Впоследствии все они стали крупными учеными.

В 1951 г. я поступил в Вологодский педагогический институт им В.М .Молотова старшим преподавателем кафедры математического анализа.

Через три года, в 1954 г., я защитил кандидатскую диссертации [6] **и был** избран заведующим этой кафедры.

В 1959 г. создан математический отдел ФИХФ АН СССР. Осенью того же года директор ФИХФ, член корреспондент, Дубовицкий Федор Иванович пригласил меня на работу старшим научным сотрудником этого отдела. Сейчас я работаю ведущим научным сотрудником.

После знакомства с нашим поселком Федор Иванович предложил нашей семье коттедж.

На мой вопрос "Не слишком ли это хорошо?" он ответил, что таково решение дирекции. К тому же предлагаемые коттеджи весьма скромные.

В 1960–85 гг., совместно с Алексеем Алексеевичем Милютиным, мы создали *современную*

теорию экстремума задач с ограничениями (аппарат уравнений Эйлера), установили наиболее информативный класс нелокальных вариаций–класс v-вариаций. Аппарат уравнений Эйлера позволил открыть принципы максимума задач с ограничениями типа неравенства на фазовые ограничениями, на минимакс и задач с регулярными смешанными ограничениями. [7]

Созданный теоретико-функциональный аппарат, позволил открыть локальный принцип максимума задач оптимального управления с *нерегулярными* смешанными ограничениями [8].

Наши совместные с Алексеем Алексеевичем Милютиным публикации вызвали живой интерес. Их стали изучать на семинарах и спецкурсах ведущих университетов, как у нас, так и за рубежом.

В своей докторской диссертации 1975 г. я сформулировал каноническую задачу оптимального управления [9] и создал законченную теорию принципа максимума этой задачи. К ней простыми стандартными приемами сводятся как все существующие в литературе варианты задач оптимального управления, включая задачу Понтрягина и классическое вариационное исчисление, так и широкий класс нерешенных ранее, актуальных своими приложениями, задач. Необходимость канонической задачи вызвана тем, что в существующей ранее литературе получение принципа максимума каждого отдельного варианта задачи оптимального управления (отличного от задачи Понтрягина) требует новой, нетривиальной теории и выполнения обременительных предположений в её постановке.

В сентябре 1969 г. на фуршете Всесоюзной конференции по теории оптимального управления (в старом здании Тбилисского университета), председатель, академик Реваз Гамкрелидзе подвел к нашему столу, по их просьбе, группу американских математиков Хестенеса и Нойштадта и других. Нойштадт заявил:

« Мы давно с интересом изучаем Ваши работы, но не встречая Вас на конференциях, про себя решили, что Дубовицкий и Милютин, это тайное оружие русских ».

Все весело рассмеялись.

Совместно с Владимиром Абрамовичем Дубовицким построена теория принципа максимума траекторий, концы которых принадлежат фазовой границе [10]. Актуальность проблемы связана с тем, что принцип максимума задач с фазовыми ограничениями (открытый в наших совместных с Алексеем Алексеевичем Милютиным исследованиях 1961 г.), установлен лишь для траекторий, концы которых лежат строго внутри фазового ограничения.

Интерес к исследованиям задач экстремума инициирован проблематикой нашего института.

Это задача Георгия Борисовича Манелиса о нахождении минимального по времени неразрушающего режима охлаждения цилиндра из твердого ракетного топлива подачей теплоносителя на его стенки и задача Бориса Александровича Розенберга о нахождении минимального по времени неразрушающего режима охлаждения композитного цилиндра подачей теплоносителя на его стенки. [11]

В качестве такого композитного цилиндра может быть корпус подводной лодки, торпеды, ракеты, фюзеляж самолета и т.д. .

В восьмидесятых годах прошлого столетия изделия, содержащие толстостенные композитные цилиндры (с использованием моей теории) стали интенсивно производить (например на заводе Леонида Кучмы).

Вообще, результаты по теории экстремума используются как в теории, так и в различных прикладных проблемах: от математической экономики до численного решения минимального по времени маневра самолета, при ограничениях на общую перегрузку; о нахождении минимального расхода топлива при переходе космического аппарата на новую орбиту с ограничениями на расстояние до луны и т. д.

Весной 1960 г., когда возник вопрос о выборе метода численных решений уравнений химической кинетики я установил, что из-за большого разброса констант скоростей существует *лишь одна схема первого порядка "все наверх" пригодная для решения их на компьютере. Эта схема при любом временном шаге,* ***гарантирует позитивность решения и выполнение всех материальных балансов.***

Созданный, совместно с Владимиром Абрамовичем Дубовицким и Галиной Александровной Фурман, наиболее эффективный алгоритм численного решения дифференциальных уравнений химической кинетики, метод медленных комбинаций, широко используется в приложениях [12]:

Численный счет уравнений химической кинетики, методом медленных комбинаций, занимает *считанные секунды*, в то время, как счет таких уравнений по иным методикам *измеряется, зачастую*, *неделями*. К тому же, что из-за указанного выше разброса констант скоростей *прямое решение схемы все наверх(без использовыания метода медленных комбинаций) не гарантирует, вообще говоря, правильное решение этой схемы.*

Отметим, что при решении задачи, о неразрушающем режиме композитного цилиндра (в задаче Розенберга) счет на машине БЭСМ-6 занял менее часа. Поскольку быстродействие

современных машин, сравнительно с БЭСМ-6, увеличились более чем в тысячу раз, то счет этой задачи на современных машинах занял бы менее 4 секунд.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

...ного университета и вы обязательно встретите юношей и девушек в военных шинелях или с боевыми наградами и значками гвардии. Это — бывшие фронтовики, пришедшие из поверженных Берлина и Кенигсберга по военным дорогам к храму науки — университету.

В 13-й группе первого курса механико-математического факультета учится много бывших фронтовиков. До войны они ходили в школы-десятилетки, готовились в университет. Война прервала их учебу на четыре года. Ната Александренкова на фронте была медицинской сестрой, Иван Липкин командовал батареей, гвардии лейтенант Абрам Дубовицкий командовал танковым взводом разведки, а Валя Коровина защищала наше небо. И Александр Волков, и Лев Панфилов, и Валя Ковалева—все они пережили суровые годы фронтовой жизни. Теперь каждый день радостные и счастливые идут они в аудитории механико-математического факультета.

Наш фотокорреспондент заснял студентов — бывших фронтовиков — в перерыве между лекциями в Московском государственном университете. Слева направо: А. ВОЛКОВ, В. КОВАЛЕВА, Н. АЛЕКСАНДРЕНКОВА, А. ДУБОВИЦКИЙ, И. ЛИПКИН. Наверху стоят — Л. ПАНФИЛОВ и В. КОРОВИНА.

Фото Г. КАПУСТЯНСКОГО.

Москва, студенты-фронтовики 1 курса мехмата МГУ им. М.В. Ломоносова: Александр Волков, Валя Ковалева, Ната Александренкова, Лев Панфилов, Валя Коровина, Абрам Дубовицкий, Иван Линкин.

Фото *Капустянского:* Комсомольская правда, 13 октября 1945 года. [13]

Спасибо главврачу Егорьевского Эвакогоспиталя № 4849, хорошо вылечившего всех нас и выдавшего всем нам отличное английское обмундирование. В нем я провел все университетские годы.

Ссылки

[1]. После освобождения Духовщины, в сентябре 1943 г. 39 Армия взяла Смоленск и двигаясь по Смоленской дороге за четыре месяца отбросила группу фашистских армий Центр от Ржева до ближних подступов к Витебску.

[2]. Из дневника операции "Багратион" (после ликвидации витебской группировки).
29 июня войска Рокоссовского (1-ый Белорусский фронт) уничтожили "Бобруйский котел", освободили Бобруйск. 56 тыс. немцев убито и свыше 20 тыс. сдались. За сокрушительный разгром этого котла И.В. Сталин присвоил Рокоссовскому звание маршала Советского Союза.
3 июля войска 1-го Прибалтийского и трех Белорусских фронтов взяли Минск, окружили силы группы армий "Центр". Этот день стал национальным праздником Белоруссии.
Через неделю дней группа фашистских Армий "Центр" была ликвидирована. 70 тысяч немцев убито, 35 тыс. сдались в плен.
Менее чем через неделю 3-й Белорусский фронт освободил Вильнюс и по всей длине форсировал Неман. Группа Армий "Север" (60 немецких дивизий) была наглухо зажата в узкой полосе Балтийского побережья.
17 июля И.В. Сталин приказал провести через Москву колонну из 57 тысяч пленных, взятых в этих боях (включая 19 генералов).

К исходу июля Красная Армия , прорвавшись с боями через непролазные топи Полесья, вышла к Варшаве**.**
Территория Советского Союза, кроме узкой полосы балтийского побережья, была освобождена.
На фронте в 1100 км. **в**раг был разгромлен, отброшен на глубину до 700 км. Свыше 20 км. в день. Это выше темпа танковых групп Гудериана и Гота во время "блицкрига" летом 1941 г.
Для спасения своего фронта от катастрофы Гитлер был вынужден бросить против нас 50 дивизий, главным образом из Франции.
Успех “Багратиона” обошелся нам дорого. Мы потеряли 178 тыс. убитыми и около половины своих танков.
Немецкие потери составили 255 тыс. убитыми, 200 тыс. пленными. Кроме того немцы потеряли тяжелую технику.

[3]. 6 декабря 1944 г., в Арденнах, группа Армий фельдмаршала Моделя разгромила американские дивизии.
На фронте в 100 км. немцы продвинулась вперед до 100 км. и уничтожила 260 самолетов. Контрудар союзников от 3 января провалился. Их войска оказались в угрожающем положении. (И это в условиях многократного превосходства союзников на Западном фронте!).
Еще 5 января Черчилль спокойно информирует И.В. Сталина: "…**бомбовые удары** союзной авиации заставят немцев сожалеть о своей смелой попытке разрушить наш фронт.", то уже на следующий день его оптимизм окончательно иссяк. Черчилль **просит** И.В. Сталина:
" На Западе идут тяжелые бои. **Можем ли мы рассчитывать** на крупное русское наступление на фронте Вислы или в каком нибудь другом месте в течение января"?
Сталин немедленно ответил: "**Учитывая положение союзников**, Ставка решила, **не считаясь** с плохой погодой, открыть наступательные действия против немцев по всему **Центральному фронту** не позже второй половины января".
12 января, более чем за неде**лю до** намеченного срока, в условиях отвратительнй погоды, Красная Армия пошла в наступление. За три недели было разгромлено 60 дивизий. 35 дивизий были уничтожены полностью, 147 тыс. немцев сдались.
На фронте в 1200 км. была проломлена брешь глубиной в 500 км. До Берлина осталось **60** км. Немцы бросили против нас все силы. На Восток отправлена ударная сила группы Армий фельдмаршала Моделя, **6-я танковая Армия СС.**
16 января Черчилль на палате общин заявил: "Противнику войска сейчас нужны не столько для поддержки германского фронта на Западе, **но еще более,** чтобы заполнить ужасающие бреши, возникновение которых мы только теперь осознали, бреши созданные на их Восточном фронте в результате **великолепного** натиска основных сил русских армий на всем фронте от Будапешта до Прибалтики".
13 января генерал Патон пишет: «Прорыв Восточного фронта высоко поднял моральный дух моих солдат. Если раньше они сомневались в возможности остановить немецкое наступление, то теперь чувствуют себя победителями».
В Арденнах, потеряв 12,6 тысяч убитыми, немцы, отошли около двух десятков километров к востоку (по Рейну) от своих исходных позиции и вместе с союзниками три месяца сидели на месте.
Через 3 месяца, **20 апреля**, группа Армий Моделя, капитулировала, а на следующий день, 21 апреля, Модель застрелился.
До Берлина союзникам осталось **500 км.**
В это время войска Жукова и Конева подошли к Зееловским высотам и **19 апреля** овладели ими.
21 апреля 11 тысяч наших тяжелых орудий обрушили огонь по Берлину. А 23 апреля, к Силезскому вокзалу, по расширенной колее, были подвезены крепостные пушки, начавшие обстрел Берлина полутонными снарядами.
В тот же день 1-й Белорусские фронты и 1-я армия Войска Польского с боями ворвались на окраины Берлина.
30 апреля 150 Идрицкая стрелковая дивизия 3-й Ударной армии подняла Красное знамя Победы над рейхстагом (с ней в 1942-1943 г.г. мы освобождали Великие Луки).
1 мая гарнизон рейхстага сдался. На следующий день свыше чем 400 тысячный гарнизон Берлина капитулировал.
134 тысяч попали в плен, остальные были убиты или разбежались по домам.
Берлинская операция заняла 16 суток (от Зееловских высот до капитуляции генерала Вейтлинга 2 мая). Из-за лавины нашего огня потери немцев убитыми составили более трети их войск. То есть свыше 500 тыс.
Наши потери составили 78,2 тыс. убитыми и 274,2 тыс. ранеными.
9 мая в Потсдаме подписан акт о капитуляции Германии. 2 мировая война закончилась.
Союзникам удалось нагадить нам только созданием своего персонального дня Победы, а именно дня 8 мая.
Десант союзников в Италию летом 1943 г., после освобождения юга, более полутора лет, с удобством сидел на месте. Воевали партизаны, поймали и повесили дуче. Лишь **29 апреля** 1945 г. немцы (в Италии) без боя сдались союзниками.

Видно, кто действительно воевал**,** уничтожал врага, добывая трудную победу, а кто сидел на окраине большой войны и нашей большой беды.

[4]. По поводу фотографии о неожиданной встрече перед отправкой на фронт.

По излечении в Гороховецком Госпитале № 3005, в Москве, я направляюсь на Новую Песчанную улицу в Запасной танковый полк, при Генеральном штабе Танковых войск, для получения направления в часть. В штабе Запасного полка оформил документы и еду трамваем Б к своей родной тете Оле (у Марьиной Рощи).
Так как в госпитале мне выдали гимнастерку без карманов, то мне пришлось положить бумажник с документами в левый карман брюк и левой рукой придерживать его. Правая рука необходима для оказания чести встречным офицерам. В трамвае Б держусь за поручни правой рукой. От толкотни пассажиров простреленная рука заныла. Заменил левой. На остановке Уголок Дурова выхожу из трамвая. Смотрю - в левом кармане пусто.
Бумажник украли!
Военное время - без документов нельзя. Пришел к тете. О пропаже молчу. Говорю ей, навестил Вас, но задержаться не смогу, нужно на Новую Песчаную улицу. Обещаю - скоро прийду. Тотчас к майору-комиссару Запасного полка. Рассказал о пропаже. Сочувствует, спрашивает, между прочим: помнишь ли ты номер своего партбилета. Отвечаю: "Конечно не помню". А он шпарит этот номер по памяти! Один раз прочел. Во какая память!
Пишу рапорт командиру Запасного полка: "Направьте, пожалуйста, меня в 28 Гвардейскую Лиозненскую ордена Кутузова II степени танковую бригаду (орден Кутузова II степени наша бригада получила за Витебскую операцию).
Комиссар обещает.
Жду. Неприкаянно хожу по территории. Настроение паршивое.
Через пару дней со стороны вахты крик: Дубовицкий, зовут! У вахты трое: соседка тети Оли - Наташа Полетаева, с ней мой двоюродный брат, Женя Кричевский, ефрейтор, водитель тягача противотанкового орудия и капитан командир дивизиона 57 мм. противотанковых орудий (его фамилию не помню).
Днями они получили пушки в Горьком и со своей техникой, дислоцируются в Марьиной Роще (в ожидании оптики на Лыткаринском заводе). И именно, вчера вечером, зашли к тете Оле. Такое совпадение!
Женя спрашивает: "Почему ты не заходишь к тете?" Отвечаю: собираюсь посетить днями.
Наташа говорит: "Врешь! У тебя украли документы." Оказывается: вчера вечером к тете Оле пришли две девицы из 3-го Троицкого переулка, дом № 3 (против Госцирка). Говорят: "Наши мальчишки нашли в трамвае Б, валявшиеся там документы Вашего племянника, Абрама Дубовицкого, пусть придет за ними по нашему адресу. К нам ходит из госпиталя над Троицкими переулками, выздоравливающий танкист, майор Козлов, увидал валявшиеся документы и закричал-:"Это же мой взводный!"
Накричал на нас и потребовал, что бы мы немедленно сообщили Вашему племяннику где находятся потерянные документы. В расчетной книжке Вашего племянника майор обнаружил завещание на Ольгу Абрамовну Рираховскую, а в нем содержался ее адрес."
Вчетвером мы двинулись к девицам, взяли мои документы и с найденными документами - к комиссару на Песчаной улице. Он обрадовался и начал готовить документы для направления в меня 28 Гвардейскую Лиозненскую ордена Кутузова II степени танковую бригаду. На следующий день мы с Женей и командиром противотанкового дивизиона сфотографировались.
Евгений Израилевич Кричевский погиб 11 марта 1945 года в боях за освобождение Словакии около деревни Вигляш (в Карпатах). Не хватило брату Жене двух месяцев до конца войны!

[5]. Дубовицкий А.Я. О дифференцируемых отображениях n–мерного куба k-мерный куб. Мат. сборник, Новая серия, АН СССР, 1953, 32(74). 443-464 с. (дипломная работа)
Понтрягин Л.С. Избранные научные труды. Том I . Топология, топологическая алгебра. стр. 571. Теорема Дубовицкого. Москва, "НАУКА", 1988 г.

[6]. Дубовицкий А.Я. О структуре множеств уровня дифференцируемых отображений n-мерного куба в k–мерный куб. Известия АН СССР, сер. Матем., 1957, 21, 371-408 с. Кандидатская диссертация.

[7]. Дубовицкий А.Я., Милютин А.А. Задачи на экстремум при наличии ограничений. Журнал Выч. Матем. Матем. Физ., АН СССР, 1965, 5(3), 395-453 с.

[8]. Дубовицкий А.Я., Милютин А.А. Необходимые условия слабого экстремума в общей задаче оптимального управления. Москва, АН СССР, издательство "Наука", 1971, 113 с. (монография).

[9]. Дубовицкий А.Я. Интегральный принцип максимума в канонической задаче оптимального управления. АН СССР, Деп. в ВИНИТИ, 1974, n 2639, 160 с.
Реферат опубликован РЖ Математика, 1975, 3, реф. 3Б526. (докторская диссертация).

[10]. Дубовицкий А.Я., Дубовицкий В.А. Принцип максимума в регулярных задачах оптимального управления. Журнал Автоматика и Телемеханика, АН СССР, 1987(12), 24-33 с.

[11]. Вольперт А.И, Гонтковская В.Т., Дубовицкий А.Я. и другие. Об обосновании методов численного решения уравнения химической кинетики. Препринт ОИХФ АН СССР . Черноголовка, 1973 г.

[12]. Дубовицкий А.Я, Фурман Г.А. Интегрирование кинетических систем методом медленных комбинаций (изотермический случай). Сборник Математические проблемы Химии., Новосибирск, ВЦ АН СССР, 1973, 28-39 с.
Дубовицкий А.Я., Дубовицкий В.А. Численное интегрирование дифференциальных уравений неизотермической кинетики с использованием медленных комбинаций. Журнал Выч. Математ. и Матем. Физ., АН СССР, 1983, 23(5), 1060-1094 с.

[13]. По поводу репортажа "ПОСЛЕ ВОЙНЫ".
В феврале 1943 г., после разгрома немцев под Сталинградом, мой дядя, Павел Григорьевич Дубовицкий, участвовавший в боях Сталинградской битвы, вместе с однополчанином проходил мимо землянки командира полка.
Там валялись разбитые машины: наш деревянный У-2 и металлический мессершмидт.
Глядя на все дядя сердито сказал: "Вот и воюй с такой техникой".
Однополчанин донес.
За такие речи трибунал осудил дядю Павла на несколько лет лагеря.
В лагере, в октябре 1945 г., на перекуре, он увидел, что сосед из обрывка репортажа "ПОСЛЕ ВОЙНЫ" готовит себе цыгарку. "Да ведь это же фотография моего племянника"! - воскликнул дядя и забрал надорванный клочок Комсомольской Правды.
Он сохранил его и в 1976 г., при встрече, рассказал мне об этом эпизоде, вынул из нагрудного кармана надорванный обрывок и со вздохом подарил его мне.
Немцы очень хорошо усвоили, что ночные бомбардировщики У-2 грозное оружие. Ночью, бесшумно и низко летящих У-2, заметить практически невозможно, а получить на голову бомбу можно.
За каждый сбитый У-2 немецкое командование награждало счастливчика "железным крестом" и премией в 40 тысяч марок. По словам маршала Рокоссовского, помогая восставшей Варшаве, самолеты У-2 1 Белорусского фронта за 20 дней произвели с малой высоты около **5 тысяч вылетов. Ночные бомбардировщики У-2 с**брасывали в указанные повстанцами места грузы и по их же заявкам бомбили немецкие цели в самой Варшаве. Маршал вспоминает, с каким восторгом говорили повстанцы, которым удавалось пробраться к нам из Варшавы, о действиях наших девушек - летчиц.
Сравним с англичанами, пославшими армаду из **80 летающих крепостей** в сопровождении группы истребителей мустанг и днем с высоты 4,5 км. сбросили в Варшаве грузы повстанцам. Как и следовало ожидать, ветер отнес грузы немцам. Немецкие зенитки сбили две летающие крепости. Иных попыток помощи полякам англичане не делали.

Сурово осудил трибунал некомпетентные речи дяди Павла относительно наших славных У-2. Разумеется, доносчик негодяй. Но и время было суровое. Во всех армиях за такие речи по голове не гладят.
Например, командующий 8 армейским корпусом вермахта под Сталинградом, генерал Хайтц, за пораженческие речи приказал расстрелять 364 своих солдат.

Примечание

Эпизод, описанный в [4] «Хроники танкового взвода» в связи с кражей и возвратом военных документов А.Я.Дубовицкого красочно изложен с долей художественного вымысла в книгах И.А.Подольного в рассказах «Из воспоминаний танкиста»:

И.Подольный, Что было-то было. Записки счастливого человека. Вологда: 2001

И.Подольный, Они победили. Жизнь замечательных людей моего поколения. Вологда, «Фест»: 2008

И.Подольный, Они победили. Жизнь замечательных людей моего поколения. Издание второе, исправленное и дополненное. Вологда, «Фест»: 2010